

ЧАСТНАЯ ВОЕННАЯ КОМПАНИЯ

СПЕЦНАЗ

ГРУ

Сергей Самаров

ЛИКВИДАЦИЯ
ДОКХАНТЕРА

Сергей Васильевич Самаров

Ликвидация Докхантера

Серия «Спецназ ГРУ»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12166034

Самаров, Сергей Васильевич. Ликвидация Докхантера: Эксмо; Москва;

2015

ISBN 978-5-699-84220-9

Аннотация

В Киев прилетает американский полковник Метью Хантер, известный по прозвищу Докхантер, то есть охотник на собак. Он не только сотрудник ЦРУ, но и доктор психологии, разработавший новый аппарат-резонатор, который может управлять человеческой психикой. Именно этот резонатор собираются использовать для новой провокации в отношении России. Кроме того, Хантер получил задание уничтожить подразделение частной военной компании «Волкодав». Но российским парням из ЧВК не впервой принимать подобные вызовы. У них есть чем ответить жестокому и хитрому Докхантеру...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	22
Глава вторая	31
Глава третья	42
Глава четвертая	50
Глава пятая	63
Глава шестая	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Сергей Самаров

Ликвидация Докхантера

© Самаров С., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

Зима, хотя и выдалась мягкая в последний свой месяц, самый короткий месяц года, все же всерьез взялась за Москву, и сразу, как обычно, оказалось, что коммунальные службы не готовы к обильным снегопадам. Дороги города стояли в длиннющих пробках. В Подмоскowie, по крайней мере в ближнем, где и располагалась база ЧВК «Волкодав», положение было такое же. Только на самой базе солдаты охранного взвода справлялись с чисткой дорог и дорожек и там не приходилось вязнуть в сугробах ни технике, ни людям.

Состав подчиненного старшему лейтенанту Триглавову подразделения увеличился вдвое, и уже ставился вопрос, чтобы официально считать охранников хозяйственной или комендантской ротой, а самого начальника караула планировалось сделать капитаном, как и положено по штату командиру роты. Но состав по количеству до роты пока не дотягивал, и решение этого вопроса оставили до возвращения в строй полковника Селиверстова.

Вопрос возвращения его к исполнению своих обязанностей пока только обсуждался. Арестовать полковника суд не решился, время задержания закончилось, Селиверстова выпустили под подписку о невыезде, но и в подписке была сделана оговорка, позволяющая Георгию Игоревичу покидать Москву по служебной необходимости без дополнительного

согласования со следствием, хотя и на срок не более трех суток. То есть на подмосковную базу ЧВК «Волкодав» он мог наведываться без проблем, хотя официально был временно отстранен от должности. Но здесь была маленькая хитрость. От должности его временно и отстранили, но отстранить от должности главы частной военной компании не могли по закону. Полковник являлся ее учредителем и занимался делами компании в свободное от службы время, что законом не запрещается никому, кроме правительственных чиновников. А военнослужащие к таковым не относились. Таким образом, Селиверстов имел полное право заниматься частными делами, поскольку являлся одним из финансовых и административных хозяев ЧВК.

Следствие шло неторопливо. Следователь военного следственного комитета всего дважды за две с половиной недели вызывал официального подозреваемого на допрос, но сам при этом не пожелал конкретизировать предъявленные полковнику обвинения, шли так называемые доследственные мероприятия. При этом ГРУ подстраховалось и в случае с ЧВК. На всякий случай Селиверстову предложили завести дублера, так что официально ЧВК пока возглавлял полковник Самохвалов, хотя Селиверстов постоянно присутствовал на базе и решал некоторые наиболее важные вопросы сам.

С момента возвращения боевой группы «волкодавов» из

Новороссии прошло две недели. Селиверстов категорически запретил своим подчиненным бойцам вмешиваться в процесс следствия, боялся, что они могут сгоряча что-то напорочить и только настроить следователя против подследственного. А потом Георгия Игоревича внезапно пригласили для предметного разговора не в военный следственный комитет, как обычно, а в ФСБ, где, как известно, имеется собственный следственный отдел, и куда в копии были переданы все материалы дела полковника.

Вернувшись, Селиверстов долго сидел в своем кабинете перед включенным компьютером, хотя сам почти не работал на нем. Там же в сторонке сидел и полковник Самохвалов. Селиверстов, как предполагалось, думал о недавнем собеседовании в такой не слишком приятной организации, а Самохвалов не торопил его и не просил поделиться новостями, все-таки не каждый день военных разведчиков в ФСБ приглашают. Наконец Георгий Игоревич, посмотрев на расписание занятий бойцов, вытащил трубку смартфона и позвонил компьютерщику ЧВК Суматохе:

– Егор Петрович, свободен? Зайди ко мне. Лесничего и, пожалуй, Иващенко с собой захвати. Иващенко сам, помнится, вызывался... Это Селиверстов.

– Я узнал голос, товарищ полковник. Иду...

Расстояние между корпусами меньше пятидесяти метров. Минут через пять командир боевой группы «волкодав» со своим заместителем и компьютерщиком негромко и кор-

ректно постучали в дверь.

– Входите. Я жду...

Три «волкодава» встали шеренгой, ожидая распоряжений. Распоряжение оказалось простейшим, почти бытовым:

– Присаживайтесь. Будем обсуждать проблему.

– Новая операция? – спросил Лесничий.

– Да, возможно, это начало новой операции, хотя утверждать так категорично я не могу. Будущее покажет, но основания так думать имеются уже сейчас. Примерно через час должен подъехать генерал Трофимов, он объяснит более конкретно.

– Будем ждать? – спросил Лесничий.

– Будем. А пока и мне есть что сказать. Я сегодня в ФСБ был. По поводу своего конфликта. Вы в курсе, как я понимаю.

– В курсе, – за всех ответил Лесничий. – Поверхностно...

В курс дела боевая группа поверхностно вошла сразу по возвращении в Москву, хотя и с чужих слов, но слов авторитетных. В то время, когда группа находилась на задании в Новороссии, полковник Селиверстов оставался в Москве. Вечером он, как обычно, прогуливался по улице со своими тремя ирландскими волкодавами, когда из проезжающей мимо автомашины «Бентли» был произведен выстрел в одну из собак. Стреляли из травматического пистолета, как потом показала экспертиза. Но полковник, не разобрав по выстрелу, что за оружие применялось, выхватил свой служеб-

ный пистолет и, произведя два выстрела по колесам резко набирающей скорость дорогой машины, пробил пулями заднее колесо. «Бентли» завиялял по дороге, норовил выскочить на встречную полосу, и водитель, чтобы избежать лобового столкновения со встречным транспортом, резко повернул руль вправо. Но дальше управлять машиной на высокой скорости не смог, не хватило реакции. «Бентли», пересекая параллельные линии движения, рванулся в сторону тротуара и врезался в дерево. Водитель был не пристегнут ремнем безопасности и вылетел через лобовое стекло. Лицо того, кто стрелял в собаку, тоже сильно пострадало. Голова уцелела, хотя врачи и констатировали сильнейшее сотрясение мозга и множественные ушибы.

Селиверстов встал из-за своего стола, положил на стол картонную карточку и посмотрел на компьютерщика Суматоху:

– Вот здесь некоторые данные на моего оппонента из «Бентли». Poiщи, Егор Петрович, на него, что сможешь. Меня интересуют в основном его отношения с разными сообществами догхантеров и прочих негодяев, которые за собаками охотятся, стреляют и травят. Они друг с другом постоянно общаются. Думаю, что-то отыскать можно. По крайней мере, насколько мне известно, именно какое-то такое сообщество оплатило услуги популярного иностранного адвоката моему визави. Хотя, как мне сказали, пусть адвокат этот и с известным международным именем, он, мягко говоря,

«плавает» в российских законах, и предполагаемый клиент от его услуг отказался...

Суматоха сел за компьютер.

– Там, в верхнем ящике стола, противозумные беруши. Чтобы мы тебя не отвлекали, можешь воспользоваться.

Компьютерщик кивнул, вытащил большие глухие наушники, какие носят люди, работающие с отбойными молотками, и водрузил их себе на голову.

Полковник же повернулся к Лесничему и Иващенко.

– Мне сегодня сообщили в ФСБ, что деятельность нашей боевой группы слишком сильно раздражает «матрасников»¹. Не просто раздражает, а дико бесит. До истерики. Они не любят, когда их бьют. Тем более их же оружием. Не боевым, естественно, оружием, а организационным. Я имею в виду систему частной военной компании. Вопрос уже неоднократно обсуждался в ЦРУ и АНБ² на самом высоком уровне и, возможно, поднимется выше. Естественно, их сильно задела ваша успешная операция, больно ударила по самолюбию. Кроме того, у некоторых должностных «матрасников» есть серьезные опасения относительно того, что скажут на допросах захваченные вами Соломон и Элефант³. Не забы-

¹ «Матрасники» – армейский сленговый термин, обозначающий американцев. Связан с полосатым, как матрас, американским флагом. На карикатурах изображается, как матрас с желтыми разводами. *(Здесь и далее прим. автора.)*

² АНБ – Агентство национальной безопасности США.

³ Действие первой книги цикла о ЧВК «Волкодав», где были захвачены и вывезены в Россию глава американской частной военной компании Соломон и вли-

вайте, что Соломон был близким другом бывшего директора ЦРУ. Нам постараются не отомстить, нас постараются уничтожить. И работа уже началась. Для начала ЦРУ и АНБ готовят большую бригаду хакеров, чтобы провести масштабную хакерскую атаку и собрать о нашей компании как можно больше информации. Атака, как предполагается, будет нацелена на серверы ГРУ, потому что «матрасники» уверены или, возможно, обладают какой-то инсайдерской, скажем так, информацией о патронаже ГРУ над нашей ЧВК. Но в любом случае патронаж будет в ближайшее время предельно ограничен, исключая одну область.

– Какую конкретно, товарищ полковник? – поинтересовался Иващенко.

– В ГРУ только что запустили новый суперкомпьютер, по своим параметрам чуть ли не на треть превосходящий аналогичный суперкомпьютер ЦРУ, и мы получим к нему доступ. Естественно, неафишируемый. В остальном работать будем более самостоятельно. То есть станем более независимыми, в том числе и в вопросе финансирования. У нас намечаются серьезные спонсоры из ВПК. Но все это произойдет не сразу и не вдруг. Это будет постепенный процесс. А пока вернемся к нашим текущим делам. Итак, есть информация, что хакеры готовятся взломать наши серверы. Что бы вы предпочли предпринять?

– Воспользоваться ситуацией, – без нотки сомнения ска-

зал Лесничий.

– Грех, Сергей Ильич, не пользоваться такой ситуацией, согласен. Но как ею воспользоваться? Есть мысли?

– Конечно. Необходимо разместить на серверах ГРУ ложную информацию о нас и затянуть их в игру по нашим правилам. Они сами это придумали – сетецентрические войны, вот пусть и получают. Я так полагаю, что сетецентрические войны не ограничиваются только компьютерным управлением боевыми действиями, но включают в себя и сбор с помощью компьютеров разведанных. Значит, следует помочь «матрасникам» в этом. Дать им данные, которые требуются нам. Мы же наверняка хотим им что-то сообщить...

– В принципе, правильно мыслишь, Сергей Ильич. Сейчас весь аналитический отдел нашего управления занят тем, что подбирает такую информацию. И все будет с внутренней кодировкой. ЧВК официально нигде упоминаться не будет, будет присутствовать только слово «волкодавы», и ни одной фамилии. А мы попробуем определить, кто конкретно станет против нас работать. И постараемся затащить их в такое место, откуда они не выберутся. Правда, есть у ФСБ еще одна зацепка... Но ее спецы ФСБ сами почему-то раскручивать не хотят и ненастойчиво передают нам. Из данных Службы внешней разведки известно, что первым пунктом в плане действий против нашего ЧВК стоит устранение меня от руководства. Не знаю уж, чем я таким не угодил «матрасникам». Может быть, просто моя фамилия им известна, а дру-

гие фамилии они не знают, иначе всех бы внесли в список... Может быть, знают, что я разрабатывал операцию по захвату Соломона. Потом разберемся... Короче говоря, в ФСБ предполагают, что выстрел из автомобиля «Бентли» – возможный шаг на этом пути. Хорошо бы это как-то аккуратно выяснить. ФСБ, повторяю, самостоятельно за это почему-то не берется. О причине их нежелания у меня есть мысли, но это не так и важно.

– А что за тип стрелял? – мрачно спросил Иващенко.

– Некий Аркадий Яковлевич Филлимон. Человек, как ни странно, далекий от всякой политики и силовых структур. Просто финансовый деятель из шоу-бизнеса. То ли эстрадный продюсер, то ли импресарио, то ли еще кто-то такой же, из пройдох, которые везде пролезут. Кажется, первое – продюсер и финансист. Мафиозный, кстати, человек из «артистической тусовки». Есть за ним несколько темных дел. Подозревали даже в организации убийства артиста, которому он много задолжал. В организации убийства. Заказ... Работал, очевидно, через уголовников, которые его «крышуют». Но доказать ничего не смогли. Суд присяжных доводы следствия не принял. В финансовых делах этот продюсер не чист, много обещает, но не исполняет, даже если был подписан официальный договор. Кстати, мне только что пришла в голову мысль: он вполне имел возможность просто кого-то нанять для этого выстрела в мою собаку, но почему-то стрелял сам. Это тоже вопрос, на который в ФСБ не находят ответа.

– Что уж проще... – проворчал Иващенко. – Сходить к нему и спросить. Я сразу по возвращении вызывался сходить. Правда, я тогда не знал, что спрашивать. Просто, думал, пообещать человеку, на всякий случай, повторное сотрясение мозга. Короче, могу и сейчас навестить его. Он все еще в больнице?

– Да. Не слишком торопливо, но идет на поправку. Сильно переживает от поврежденной «фотокарточки». Уже наводит справки, как мне сказали, относительно пластической операции и собирается затребовать с меня оплату. Поговорить с ним было бы недурно, но у дверей его палаты постоянно дежурят два охранника, которых неизвестно кто для Филлимона нанял. Нам неизвестно. Ему, видимо, известно. Суровые ребята, несговорчивые, бывшие офицеры ОМОНа в каждой смене. Он охрану не нанимал, но ему наняли. Это уже говорит о том, что он действовал не по своей инициативе.

– Он не нанимал... – согласно сказал компьютерщик Суматоха, уже снявший беруши с головы и слышавший последние фразы разговора. – И еще он никогда догхантером не был, хотя они попытались нанять ему адвоката. Даже деньги для этого через Интернет собирали. Но от услуг иностранного адвоката он отказался после первой встречи с ним. У него есть свой собственный адвокат, вместе они с иностранцем и беседовали. Возможно, собственный адвокат и отсоветовал привлекать иностранца. Профессиональная ревность и нежелание делиться гонораром.

– Охранная фирма, которая предоставила охранников, ссылаясь на закон, не раскрывает коммерческую тайну, – подсказал полковник Самохвалов, до этого молча сидящий в стороне. – Не сообщают, кто их нанял, мол, только по запросу суда.

– Суматоха, ты, я понимаю, что-то об охране нашел? – снова заговорил Селиверстов.

– Это без проблем. Сервер охранной фирмы полагается только на стандартный «антивирусник», который от взлома защитить не в состоянии. Специальной комплексной защиты у них нет, так что вошел без проблем. Платеж в охранную фирму поступил из-за границы. От какого-то благотворительного фонда имени кого-то там, не известного нам. Под таким названием можно любой фонд организовать. Впрочем, есть что-то в самом этом имени...

– Фонд имени кого? – переспросил Самохвалов.

– Фонд имени доктора Хантера.

– Докхантер и догхантер... – сразу уловил связь полковник. – Это даже интересно... В американской традиции звать доктора «доком».

– Докхантер... Поищи на него данные, Егор Петрович... – попросил Селиверстов. – А я на этой неделе, видимо, буду оформлять выход на пенсию.

Суматоха снова нацепил на уши беруши.

– Нас хотите на растерзание ЦРУ оставить, товарищ полковник? – упрекнул Иващенко. – «Матрасники» только того

и добиваются.

– Все в точности до наоборот. Хочу выйти в отставку и полностью посвятить себя «Волкодаву» и «волкодавам». Командование так рекомендует. А к мнению командования я, как человек, всю свою сознательную жизнь армейский, привык прислушиваться.

– Меня в официальные заместители возьми, Георгий Игоревич, – полушутя попросил Самохвалов. – Мне уже высказывали такое предложение. Тоже – отставка, и в заместители...

– Я в курсе, – сухо ответил Селиверстов. – С моей стороны возражений не будет. Как решит командование, сразу и оформим.

Внутренний телефон заставил Селиверстова встать и подойти к столу.

– Да. Я. Я жду его. Пропустите. – Положив трубку, он сообщил всем: – Генерал Трофимов приехал. Что он нам расскажет?

Пока ждали генерала, Суматоха снова снял беруши и сказал:

– Нашел кое-что. Я в аглицком не шибко силен. Переведет кто-нибудь или хватит машинного перевода?

– Давай для начала машинный, – кивнул Самохвалов. – В предельно сокращенном варианте. Только тезисы. Будет необходимость – отдадим профессиональному переводчику.

Суматоха начал пересказывать перевод:

– Суть такая. Полковник ЦРУ Метью Хантер, доктор психологии, ставил психологические опыты над заключенными в тюрьме Гуантанамо. В результате шестеро из десяти заключенных, пациентов доктора, сошли с ума. Против дока Хантера правозащитники пытались завести уголовное дело. Но правозащитников там уважают еще меньше, чем у нас, – дело было прикрыто властями. Однако деятельностью полковника заинтересовалась более мощная правозащитная организация «Узники Совести», с которой властям просто так справиться сложно. Собрали материалы о полковнике за несколько лет. Согласно их данным, большая часть научных работ Хантера носила секретный характер, и материалы оказались недоступными для исследования. Единственное, что смогли правозащитники выложить на обозрение, это то, что доктор Метью Хантер двенадцать лет провел на Гаити, изучая магию вуду⁴, и начал впоследствии применять ее в своих психологических опытах. Даже написал научную монографию на эту тему. Но монография тоже носит секретный характер и недоступна для ознакомления. Известно только то, что множество подопытных Хантера закончили свою жизнь вскоре после окончания работы с ним в психиатрических клиниках. Основной контингент «подопытных кроликов» – заключенные американских тюрем. Что за методы применяет Метью Хантер, правозащитники точно узнать не смогли, хотя есть

⁴ Вуду – традиционная африканская религия, имеющая статус государственной на территории некоторых стран, расположенных в Западной Африке.

предположения, что он работает в коллективе, который испытывает психотронное оружие, дающее такой же эффект, как магия вуду. Своеобразное влияние на мозг, пытаются создавать характерные для вуду зомби. Потом в психиатрическую лечебницу с разными и непохожими диагнозами попали трое из тех, что собирали материалы на Хантера и публично выступали с разоблачениями мистера «поклонника вуду».

– Ну что же, у нас психика крепкая, – усмехнулся Иващенко. – И против вуду инструмент тоже найдем...

– Ну, если вы уже все готовы с полковником Хантером потягаться, – сказал, без стука открыв дверь, генерал Трофимов, – я догадываюсь, что ехал сюда, вероятно, напрасно, потому что именно о полковнике Хантере я и желал вам сообщить. Это было главное мое сообщение. А знаю я о нем, думаю, немногим больше вашего. Может быть, даже меньше. Просветите?

Генерал напрасно изображал скромность. Информацией он, несомненно, обладал и поделился ею с армейскими коллегами, правда, они уже армейскими коллегами по большому счету не были, а представляли частную структуру.

– Таким образом, полковник Метью Хантер, один из самых опытных сотрудников ЦРУ, разрабатывает и проводит операцию специально против ЧВК «Волкодав», – подвел итог сказанному генерал. – Возможно, в дальнейшем ему придется пересечь океан и работать в более тесном контак-

те с вами. В непосредственном контакте. Это допустимый, но негарантированный вариант. Дальше... Из того, что нам известно о полковнике Хантере, то есть о Докхантере, можно вывести обычную манеру его действий. Полковник старается организовать провокации, которые заставляют людей вступать в противоречия с собственным законом. С полковником Селиверстовым, возможно, были проведены еще относительно мягкие мероприятия. Это, собственно говоря, еще и не мероприятия, а простая пристрелка, выяснение, как отреагирует на действия ЦРУ система ГРУ и другие силовые ведомства России, будут ли пытаться своими методами оказывать давление, скажем, на следствие или на фигурантов дела. Это показало бы американской разведке, насколько прочно налажено взаимодействие ЧВК и государственных структур. Я подозреваю, что для сбора материалов против вас будет использована вся электронная мощь США. Если нужна будет какая-то поддержка с нашей стороны, если мы будем в силах ее организовать, мы организуем. А будут новые данные – мы вам их предоставим. Пока я могу подсказать только то, что уже подсказал в ГРУ. Вам просто повторю персонально для Георгия Игоревича. Может быть, он сам еще что-то придумает. Насколько я понимаю, при формировании ЧВК вы многократно выезжали в командировки для какого-то обеспечения оперативных действий. Американская сторона через своих хакеров попытается выяснить, куда вы ездили и для чего. Значит, необходимо создать си-

стему прикрытия. Хотя бы переставить даты в приказах о командировках или что-то подобное. Вся подобная документация, насколько мне известно, ведется в цифровом формате и в варианте, доступном для взлома опытным хакером. Мы со своей стороны предложили для общей путаницы отправить вас в другие места, а иногда вообще одновременно в два, а то и в три места, достаточно далеко отстоящих друг от друга. Пусть в ЦРУ поломают себе головы, что это может значить. Может быть, они предположат наличие в ГРУ нескольких полковников Селиверстовых, что создаст дополнительную путаницу... Думаю, практически это сделать нетрудно, и надеюсь, что ваши специалисты уже приступили к созданию ложной информации.

– Да, – согласился Георгий Игоревич, – запутать ситуацию будет несложно. И даже прикрыть действительные поездки. Я в то же примерно время, между служебными командировками, дважды выезжал с собаками – на выставку и на бега борзых собак, брал отгулы. Пусть «матрасники» списывают путаницу на нашу традиционную, как они считают, неразбериху в делах. Потеряют время и махнут рукой. Спасибо за подсказку, товарищ генерал. Это мы сделаем обязательно.

– Теперь о телефонных звонках... – продолжил Трофимов.

– У нас кодированные каналы связи, товарищ генерал. Невозможно прослушать, не зная кода, а код разрабатывался специально для нашей группы в компьютерной лаборатории

ГРУ. Используется исключительно внутри группы.

– Я в курсе. Но американцам, возможно, будет интересен не только предмет разговора, но и местонахождение абонента. С помощью своих хакеров они организуют просмотр биллинга⁵ на серверах российских операторов. Там следует что-то подчистить. Кроме того, надеюсь, вы свои номера никому не презентуете и в социальных сетях на них регистрация не производится?

– Это категорически запрещено инструкцией, товарищ генерал, – объяснил полковник Самохвалов. – К тому же нам рекомендуется иметь вторую трубку. С личным номером.

– Обсудите вопросы контроля в своих соответствующих службах... – порекомендовал генерал Трофимов. Весьма настоятельно порекомендовал.

– Я прослежу... – согласился командир ЧВК.

⁵ Биллинг – сбор информации об использовании телекоммуникационных услуг, о месте пребывания конкретной sim-карты в определенное время. Позволяет даже задним числом по трубке определить, где в какое-то время находился владелец этой трубки.

Глава первая

Боевая группа ЧВК «Волкодав» тем временем занималась обычной боевой подготовкой. Обычная боевая подготовка существенно отличается от подготовки при планировании конкретной операции, где расставляются определенные акценты, где делается упор на какие-то конкретные дисциплины и на изучение конкретной, применимой в определенных условиях спецтехники. Сейчас же задачу «волкодавам» пока не поставили, и подготовка велась повседневная, но помимо нее у «волкодавов» были и другие дела, которые необходимо было разрешить.

Так, хакер группы Суматоха раздобыл кое-какие сведения о личности Аркадия Яковлевича Филлимона, после чего появилась и версия о том, почему следственное управление ФСБ, мягко говоря, не пожелало с ним связываться и ненавязчиво порекомендовало «волкодавам» самим включиться в следствие. Без официоза... Суматоха сначала собрал все материалы из прессы, где упоминался Филлимон. Потом забрался в электронную почту и взял под контроль всю личную переписку Аркадия Яковлевича через Интернет, посетил для знакомства его любимые сайты, где он тоже, как оказалось, был «любим», и с помощью аппаратуры, расположенной в соседнем корпусе лаборатории, подключенной к спутниковой армаде ГРУ, установил постоянное прослушивание

его телефонных разговоров. И уже вскоре, собрав все данные воедино, выложил конкретный результат. Доклад Суматохи проходил в присутствии полковника Селиверстова, как основного заинтересованного лица в результате дела.

– Ох, «зона» по этому Филлимону плачет, а он, похоже, по «зоне». Там такие парни на обслуживании стоят...

– Ты хочешь сказать... – перебил его полковник.

– Именно это я и хочу сказать, товарищ полковник. Ваш догхантер, если по-европейски, с жеманностью, «человек нетрадиционной половой ориентации». Причем организатор и финансист нескольких акций сообщества ЛБГТ-сброта, которое Филлимон «подкармливает», мягко говоря, своими деньгами, и оно стоит за него горой. Таким образом, простые и нормальные люди, покупая билеты на концерт какого-то певца, организованный под руководством господина Филлимона, сами не подозревают, что финансируют пропаганду гомосексуализма. То есть нарушают закон.

– Тогда я понимаю, почему ФСБ не захотело с ним связываться, – задумчиво заметил Селиверстов, – и перевалило это на наши плечи. Но мы эту задачу можем выполнить. Как на это смотришь, Виктор Юрьевич? – обратился он к Иващенко.

– Положительно смотрю. Берусь даже с охраной у палаты этого типа разобраться. А потом и с ним самим могу поговорить.

– С охраной разбираться не нужно. Охрану нужно только

отвлечь. Давайте подумаем, как нам это дело организовать. Я так полагаю, что какие-то административные организационные вопросы нам помогут решить и в МВД с подачи ФСБ, и в самом ФСБ. А вопросы могут возникнуть.

– Какие вопросы, товарищ полковник? – спросил Лесничий.

– Ну, например, с устройством кого-то в то же отделение больницы, на тот же этаж.

– Да, этот вопрос мы решить самостоятельно не в силах, – согласился Сергей Ильич. – А отвлечь охрану проще просто. Вы говорили, что там бывшие омовцы сидят?

– Так мне в ФСБ сказали. Все охранники охранного предприятия – бывшие менты ОМОНа и СОБРа. Серьезные хмурые парни, считающие себя чрезвычайно крутыми. У тебя есть какое-то конкретное предложение?

Лесничий скромно улыбнулся. Он крутых парней в своей жизни видел немало. И, даже несмотря на свою внешнюю неказистость, на невпечатляющий размах плеч и объем бицепсов, многим крутым указывал на их настоящее место.

– Если удастся устроить в больницу двоих, и они там устроят что-то такое, что потребует вмешательства со стороны, менты обязательно вмешаются, учитывая их психологию. Особенно если у наших людей не будет оружия. Вмешаются, следовательно, покинут пост, а в это время можно и войти в палату.

– А если обернутся? Тогда – провал?

– Значит, необходимо сделать так, чтобы они не в коридоре отошли на несколько шагов от двери, а, предположим, вошли в другую палату. А как еще к Филлимону проникнуть? Там седьмой этаж.

– Вот и давайте соображать, – предложил полковник, и «волкодавы» начали соображать, высказывая свое мнение.

Для охранников рядом с дверьми одноместной коммерческой палаты травматологического отделения городской больницы были поставлены два кресла, в которых вполне можно было даже спать сидя. Обычно ночная смена охраны так и дежурила, сначала один бодрствовал, потом, через два часа, будил напарника и сам засыпал.

В эту ночь дежурили два бывших омоновца. Высокий и мощный отставной капитан Леха Дерько по кличке Сыр с дырками и молчаливый, вдумчивый бывший подполковник Петр Иванович Краюхин по кличке Динозавр. В начале дежурства они заглянули, согласно инструкции, в палату, которую охраняли, спросили, все ли в порядке. Клиент как раз по телефону разговаривал и замахал рукой, прогоняя их. Охранники вышли и расселись по креслам.

На этаже было жарко, и вообще больничная обстановка расслабляла, поэтому охранники привычно снимали здесь тяжелые бронежилеты. Первому выпала очередь отдыхать Петру Ивановичу, и он тут же закрыл глаза. Леха достал из сумки термос и бутерброды, естественно, с сыром, и начал

перекусывать. Свое прозвище он получил, когда однажды, еще в пору своей службы в областном ОМОНе, в столовой на базе попросил сыр и возмутился, что сыр ему дали без дырок, он такой почему-то не любил. Это слышали многие, и кличка легко закрепилась за ним, чему он только радовался, потому что в детстве товарищи во дворе просто меняли одну букву в его фамилии, и вместо Дерько он становился просто Дерьмом. Сначала обижался, потом привык и смирился...

События начали развиваться как раз тогда, когда Леха уже надумал будить Петра Ивановича, чтобы самому вздремнуть, так как глаза уже начали настойчиво слипаться. Но Динозавр проснулся сам, и не просто проснулся, а сразу вскочил на ноги, чуть не уронив кресло. Вскочил и Леха. Этот свое кресло уронил, при резких движениях Лехе было трудно контролировать движения своего большого тела, и он всегда что-то задевал.

– Что загремело? – спросил Динозавр, со сна еще ничего не успев увидеть.

– Дверь... – коротко доложил Сыр с дырками. – Вылетела вместе с мужиком.

– Какая дверь? – Динозавр для порядка посмотрел на дверь в охраняемую коммерческую палату. Она стояла, инкрустированная шпоном, красивая и незыблемая, как и раньше, и была закрыта изнутри на ключ.

– В туалете... В общем... – последовало пояснение.

Однако отставной подполковник и сам уже увидел, что в конце темного коридора что-то происходит. Под торцевым темным окном лежало белое полотно двери, а на нем, раскинув руки, одна из которых была загипсована, лежал человек.

Уже одно это было нарушением порядка – лежать больным полагается на кровати в своей палате, и бывшие омовцы устремились туда, на ходу снимая с пояса стандартные ментовские дубинки.

До упавшего было еще метров пять, когда из дверного проема показался человек с забинтованной головой. Лежавший на двери не стал переворачиваться, чтобы подняться, а совершил что-то непонятное – просто оттолкнулся ногами от пола и, совершив кувырок назад, сразу встал на ноги, принимая боевую стойку. Человек же с забинтованной головой уже был рядом и нанес один за другим не меньше десяти быстрых прямых ударов, которые парень с загипсованной рукой ловко отбивал предплечьем здоровой руки и гипсом. При чем отбивал, не подставляя свои руки, а легкими встречными ударами направляя движение рук противника внутрь⁶, слегка отклоняя при этом свой корпус и голову. Это происходило настолько быстро, что Сыр с дырками в полумраке так и не смог понять, кто кого бьет и кто кому наносит урон. Еще трое больных, разной степени увечности и загипсованности, вышли из туалета и с интересом наблюдали за происходящим.

⁶ Элемент темпового рукопашного боя, применяемый в спецназе ГРУ.

– Прекратить немедленно! – слегка визгливо крикнул Динозавр.

– Прекратить! – солидным басом повторил Сыр с дырками и махнул своей дубинкой, пытаясь не ударить, но вклинить ее между дерущимися.

Динозавр не понял, что произошло. Но после этого движения большой и непоколебимый, как скала, Леха Дерько вдруг выпустил из руки дубинку, на несколько секунд замер без движения с поднятой рукой, потом согнулся пополам, схватившись руками за живот, и упал сначала на колени, а потом на бок, потеряв сознание. Леха был такой большой и такой надежный, что Петр Иванович растерялся от его падения. Он смотрел на лежащего Леху, который начал приходить в себя и корчился, похоже, от боли. Но крови ни на его руках, ни на полу видно не было, и, что с ним случилось, было непонятно.

А двое дерущихся продолжали наносить один другому быстрые удары руками и ногами, и панический испуг, а также отсутствие серьезной боевой подготовки не позволили отставному подполковнику ОМОНа увидеть, что ни один удар не достигает цели и против каждого выставляется профессиональная защита, сразу переходящая в нападение, чтобы потом повториться новым циклом с обратной стороны. Однако Петр Иванович хорошо понимал, видя только этот град различных ударов, что он от них защититься никогда бы не сумел, поэтому предпочел развернуться и побежать к

столу дежурной медсестры, что располагался за углом в просторном холле. Медсестра, скорее всего, из-за «вбитых» в уши маленьких наушников и висящего на груди плеера не слышала звуков драки, но вблизи расслышала топот ног Краюхина и вышла из-за угла ему навстречу.

– Охрану вызови... – потребовал Петр Иванович, сразу проскочив к телефону на столе дежурной. Медсестра поспешила за ним, так и не рассмотрев, что творится в конце коридора.

Она сама набрала номер. Но охрана больницы не отвечала. Тогда медсестра набрала номер дежурного врача в приемном покое и передала трубку бывшему омонвцу, предупредив, кому звонит. Краюхин принялся объяснять, но врач приемного покоя вежливо перебил его, сообщив, что у них на первом этаже случилось ЧП. Полицию вызвали, но наряд еще не приехал. А само ЧП было непонятного характера. Пришли трое пьяных полицейских, желая навестить какого-то своего приятеля в урологическом отделении. Их в такое неприятное время, естественно, не пустили. Пятеро охранников оказались парнями не робкими. Тогда пьяные полицейские просто избили их и надели на каждого наручники. Сейчас охранники сидят в приемном покое, ждут приезда дежурного наряда, который освободит их от наручников и разберется в ситуации. Сами пьяные полицейские исчезли.

Петр Иванович растерянно положил трубку на аппарат.

– А что случилось? – спросила дежурная медсестра.

– Там. Дерутся двое больных, – встрепенулся Петр Иванович.

– Кто? Где? – не поняла медсестра и прислушалась.

Прислушался и отставной подполковник, но ничего не услышал.

– Дрались. Двое... У одного рука в гипсе, у другого голова перевязана.

– Опять они! И почему опять в мое дежурство! Вчера днем начинали, сегодня уже ночью.

– Уже дрались? – переспросил Краюхин. – И их не выгнали?

– Они не дерутся, они что-то друг другу и другим показывают. Один какой-то тренер по рукопашному бою, второй – бывший десантник. Вот и выясняют, кто что умеет.

– Дверь выломали в туалете. Там валяется.

– Дверь опять упала? – посетовала медсестра. – Она два раза в неделю у нас падает. Иногда даже вместе с косяками. И когда только починят?

Петр Иванович осторожно выглянул за угол. Два недавних драчуна склонились над стоящим на коленях непоколебимым Лехой Дерько и поддерживали его под локти. Больше никто не дрался. На четвереньках Леха смотрелся еще более непоколебимой скалой...

Глава вторая

Машина ехала не быстро. Полковник Хантер бывал на своем веку в столицах многих государств, которые вели в то время войну. В сравнение с ними Киев выглядел спокойно и, образно говоря, безоблачно, хотя над городом висели снеговые тучи, и на улицах лежало достаточно снега. Дороги были расчищены, правда, из рук вон плохо. Но это не отталкивало от города и даже придавало ему некоторый северный шарм, отличный от северного шарма того же Анкориджа⁷, откуда Метью Хантер был родом. Там тоже было много снега зимой, хотя в Анкоридже улицы чистили регулярно. Киев по площади и по населению несравненно больше Анкориджа. Наверное, и проблем здесь больше, и решить их труднее, и время здесь явно не такое спокойное, как на Аляске. И не только зима тому причиной.

Генерал Балан, командующий национальной гвардией, встретивший полковника у трапа самолета, очень плохо говорил по-английски. Наверное, он мог говорить и по-русски, и тогда они хорошо понимали бы друг друга, но Хантера еще в Лэнгли предупреждали, что на Украине некорректно разговаривать по-русски. А украинского языка полковник не знал, считая его вообще не отдельным языком, а только диа-

⁷ Анкоридж – столица штата Аляска в США.

лектом русского. Тем не менее Докхантер, за время своей службы посетивший более двух десятков различных стран на разных континентах, был привычен к разным вариантам произношения и понимал генерала легко, по крайней мере каких-то серьезных вопросов не возникло. Да и не вели они между собой серьезные разговоры. Все вопросы были сообщены в зашифрованной переписке еще накануне поездки на Украину.

– Вот... – сказал генерал. – Мы повернули на улицу Авиа-конструктора Игоря Сикорского, бывшая улица Танкистов. Теперь до посольства совсем недалеко. Едем только по прямой.

– А мой груз? – поинтересовался полковник судьбой груза, доставленного тем же самолетом военно-транспортной авиации.

– Как вы и приказывали. Его доставят прямо в посольство.

– Охрана надежная?

– Надежнее не придумать. Нацгвардия. Несколько машин сопровождения. Парни порвут на куски любого, кто хоть мысленно к грузу приблизится. Я сам выбирал тех, кто поедет.

Вообще-то Хантер мало хорошего слышал о национальной гвардии Украины, хотя охотно верил, что они могут кого-то порвать на куски. Даже там, у себя в Америке, где все разговоры об участниках современных событий на Украине тщательно фильтруются, слышал. Но он доверился этому ге-

нералу и надеялся, что тот сумел подобрать в охрану груза людей надежных, которые не сунутся в опечатанные ящики в надежде хоть что-то своровать и не повредят аппаратуру. Тем более вместе с аппаратурой едут и специалисты, ее обслуживающие. И вторая группа специалистов тоже едет вместе с грузом.

Генерал подробно доложил о начале операции уже в первую минуту знакомства на летном поле. Начинать операцию должны были как раз два бойца национальной гвардии, которых отправили в Москву на «заклание» этим проклятым «волкодавам». То, что эти парни, принесенные, по сути дела, в жертву, считали важной доверенную им информацию, в действительности было дезинформацией. Допрашивать парней будут, естественно, со спецсредствами, и они кое-что расскажут. Как раз то, что «волкодавы» обязаны услышать и на что они обязаны среагировать. А как иначе их вытащить на территорию, где до них сможет добраться Докхантер! Он приехал на Украину поохотиться на «волкодавов». А охотник он опытный и постарается оправдать свою фамилию⁸.

– Как устроился, Пол?

Пол посмотрел на шефа мутными глазами.

– Спасибо, Док. Пока все устраивает, кроме пейзажа за окном. Я не любитель снега, меня, закоренелого калифорнийца, такая погода всегда жутко угнетает.

⁸ Хантер – переводится с английского, как «охотник».

Вытащить из тюрьмы гениального хакера Пола Санта-Крус Кампильо стоило полковнику Хантеру большого труда. Соответствующим инстанциям пришлось с письмом о помиловании дойти даже до президента. Но вся сложность упиралась в то, что письмо это должен был бы написать собственноручно сам Санта-Крус Кампильо. А те люди, которые принесут письмо президенту, должны бы были высказать свои аргументы в пользу помилования. При этом сам Пол должен был бы дать подписку о сотрудничестве пока только с ЦРУ, а впоследствии в качестве штатного сотрудника в новой самостоятельной системе электронной разведки, создаваемой под эгидой Совета по национальной безопасности при президенте США. Пока эту только еще создаваемую организацию называют в кулуарах секретных служб «кибер-ЦРУ» или «электронное ЦРУ», а в официальных документах она значится как «Служба СТИС». Вот в этом подразделении и предлагалось Кампильо место постоянного и достаточно высокооплачиваемого сотрудника. Но гениальный хакер, человек, характера весьма странного и независимого, с «понятиями» старой школы хакерского движения, долго не давал себя уговорить.

– Из меня не получится клерк. Каждый день ходить на службу – это выше моего понимания. Я работаю по вдохновению, а не за деньги. Да и работаю-то только в ночное время. Ночью мне легче думается. Ночью я даже не думаю, я чувствую, что нужно сделать.

Пол, конечно, представляя себя, частично обманывал. Но Докхантер легко догадался, что он обманывает в первую очередь не полковника ЦРУ, а только самого Пола Санта-Крус Кампильо, стараясь убедить себя, что он и сейчас остался тем же компьютерным Робин Гудом, каким был когда-то. Тем не менее Хантер сильно нуждался в Поле и в людях, которых тот набрал себе в бригаду – своих старых друзей, одного из которых тоже пришлось вытаскивать из тюрьмы.

В распоряжение бригады хакеров, состоящей из шести человек, было выделено две комнаты в американском посольстве в Киеве. Посол предложил, если понадобится, найти помещения хоть в здании Министерства внутренних дел Украины, хоть в здании администрации президента, но Хантер отказался. По его информации, это были не слишком надежные места в смысле безопасности. Посольство все же охраняли морские пехотинцы США, а им полковник Хантер традиционно привык доверять. А все другие места, что предложил посол, постоянно находились под угрозой внутренней политической борьбы. А как эта внутренняя политическая борьба проходила на Украине, Хантер уже хорошо знал, загодя изучив кучу документов о том, что сейчас в Киеве происходит и что происходило совсем недавно.

– Что по моему заданию? – поинтересовался полковник.

– Парни отоспятся после самолета, засядут на всю ночь, – пообещал хакер.

– Любые результаты мне докладывай. Если что, сразу зво-

ни.

– Как договорились, – кивнул Пол.

Оставив его, полковник спустился в подвал к майору Лукашу. Тот в отведенном ему закутке с двойной металлической дверью вместе со своим помощником уже распаковал доставленные самолетом ящики. И теперь осталось только зачехлить отдельные составные части магнитного резонатора, чтобы перенести их в машину, уже заранее подготовленную помощником военного атташе по приказу министерства обороны, и там, в приспособленной машине, собрать и установить на кронштейны.

– Кристиан, ты автомобиль проверил? – поинтересовался полковник.

– Конечно, Док. В первую очередь. Замерил расстояния между кронштейнами. Я не доверяю всяким местным специалистам. Помните, как в Сомали... Пришлось ночь просидеть, чтобы кронштейны переставить. У меня глаза слиплись, а я все делал и делал с закрытыми глазами. А сомалийцы не смогли справиться и с открытыми. Я даже помню, что тогда гнезда кронштейна с чертежом не совпадали на шестнадцать миллиметров. На сей раз все сделали точно, дюйм в дюйм. Лифт встанет прямо под люком, это я тоже проверил. Когда на выезд?

– Я сообщу. Сам пока не знаю. Хотя мы договаривались с генералом Баланом на завтрашнее утро, пораньше. Дума-

ешь, машину надо обязательно испытать?

– Конечно. Мы же каждую новую машину апробировали. Мало ли что, вдруг высоты лифта не хватит, или люк выдвигаться до конца не станет, заест где-нибудь, и все. В электронике сомнений нет. А остальное – неизвестно.

– Апробацию, думаю, сможем провести даже завтра, мне так обещали. Думаю, у украинской армии есть пленные. Может, и лучше что придумаем...

Полковник Хантер только после завершения обхода основных своих подчиненных впервые заглянул в комнату, отведенную ему для отдыха. Комната была небольшая, имела душ и туалет, кровать и письменный стол с компьютером. Здесь можно было бы даже работать, если бы возникла такая необходимость. Но Докхантер, всегда умело пользуясь преимуществами компьютеризации, сам почти никогда на компьютере не работал. Он слишком хорошо знал, что такое хакеры, потому что давно пользовался их услугами и не желал, чтобы его дела стали каким-то образом доступны общему обозрению, по наивности считая, что любой компьютер в состоянии стать добычей хакеров противника, независимо от того, подключен он к сети Интернет или не подключен.

Осмотрев комнату, полковник позвонил еще одному своему помощнику и пригласил к себе «с аппаратурой». Грэг Доусон явился через две минуты. Сразу поставил на стол свой кейс и бросил на Хантера вопросительный взгляд, слов-

но разрешения попросил.

– Приступай.

Грэг открыл кейс и включил аппаратуру. В крышке кейса был вмонтирован тонкий планшетный компьютер-сканер, который сразу стал подавать слабо различимые звуковые сигналы. Грэг смотрел не в монитор, а внутрь, где располагались другие сканеры.

– Шесть электронных систем в комнате, считая и то, что у нас в карманах. Одна мощная, большая, – доложил помощник. – Я так думаю, что это сам компьютер.

– Он же выключен.

– Не имеет значения. Приборы его наличие, а не работу регистрируют. Я всю аппаратуру в комнате уже выключил. Заблокировал любой сигнал. У нас с вами, Док, уже обнаружены три системы – компьютер на столе, и две трубки. Осталось еще три. Одна посильнее, как я предполагаю, видеокамера, две слабые. Скорее всего, исходя из уровня сигнала, простые «жучки» для «прослушки». Искать?

– Конечно. Я не кинозвезда, чтобы жить у всех на виду. Ищи.

Теперь уже новый прибор появился на свет не из кейса, а из внутреннего кармана куртки. Он чем-то напоминал бутылку, примятую с одного бока. Держа прибор этой плоскостью вверх, Грэг включил сканер и начал обходить комнату вдоль стен. Один «жучок» нашелся под столешницей письменного стола, второй – под базой беспроводного телефон-

ного аппарата.

– Где-то еще есть видеокамера... – глянув в прибор, сказал Грэг.

– Почему думаешь, что камера? – поинтересовался полковник.

– По уровню индукции.

– Ищи.

– Обычно камеры маскируют или зеркалом, или тонированным стеклом.

– Зеркало только в ванной комнате. Тонированного стекла я здесь не видел.

Грэг поводит своим прибором, покрутился вокруг своей оси и сдвинулся к окну. Открыл внутреннюю раму, заглянул в пространство между ней и наружной рамой, затем вернулся к ручке, которую поворачивал, вытащил из кармана отвертку, отвернул два шурупа и снял ручку.

– Вот и камера нашлась.

– В ручке? Она же не прозрачная.

– Значит, камера инфракрасная, ей прозрачность и необязательна. На объективе легкое металлическое напыление для маскировки. – Грэг вытащил из ручки камеру в тонком корпусе и положил перед полковником. – Полюбуйтесь.

Докхантер любоваться не стал, просто положил в карман, как раньше положил туда же оба «жучка». Ему очень не понравилось, что кто-то пытался установить за ним слежку.

– Грэг, еще осмотри внимательно комнаты, где работают

хакеры, потом спустись в подвал и проверь комнату майора Лукаша. Нет, сперва к Лукашу сходи, потом к хакерам. А я пока навещу посла. Я считаю недопустимым такую наглую самодеятельность. Посол не должен был этого делать, если только не получил приказ сверху. Тогда мне необходимо знать, от кого получен этот приказ. Ты пока работай.

– Я понял, Док, работаю.

– Как только что-то найдешь, сразу звони мне. Моя трубка вне этой комнаты будет работать?

– Радиус действия моей «глушилки» только семь метров. Думаю, уже за дверью будет работать. Нарушиться в трубке ничего не должно. Я не давал сильную индукцию.

– А если бы дал? – Хантеру следовало знать такие мелочи для возможного дальнейшего использования.

– Если бы дал, полетел бы аккумулятор. После смены аккумулятора трубка снова начала бы работать.

– Полезная функция, – согласился полковник.

– Полезная-то полезная, – кивнул Грэг. – Только...

– Что? Я по голосу слышу, тебе что-то в этом не нравится.

– Не нравится.

– Что?

– Количество источников энергии. Слышал я, недалеко отсюда, на российской границе, установлены русские «глушилки», которые выводят из строя не только трубки, но рвут электроцепи танков и полностью «закрывают» видимость для всех цифровых способов наблюдения. От спутни-

ков прячут все, что внизу происходит.

– Слышал я что-то подобное, – согласился полковник. – Определенные люди этим интересуются. Но у нас с тобой другая тематика работы. Так что, ты, Грэг, свою работу поскорее сделай и доложи мне выполнение...

Глава третья

Иващенко, хотя и декларировал себя человеком морозоустойчивым, все же слегка замерз на крыше, где гулял сильный ветер. Приходилось прятаться за широкие вентиляционные выводы, и это слегка спасало, но только слегка. Хорошо, как ни странно, согревало снаряжение для промышленного альпинизма из комплекта «Штурм-3». Ремни стягивали ноги и ниже колен, и в области бедер, и в поясе, крестнакрест перекрещивались на груди и через спину спускались к поясу. Каждое движение при такой перетяжке вызывало напряжение мышц и разгоняло по телу кровь. На ремнях и на поясе у Виктора Юрьевича было множество карабинов, зажимов для подъема по крепкой альпинистской веревке с помощью уже закрепленного на крыше «полиспаста Мунтера»⁹, который при начале операции необходимо было свесить с крыши, поскольку на прочность ее самой надежды было мало. Ходить по стене или опускаться вертикально вниз параллельно стене для Иващенко не имело принципиального значения. Полиспаст «волкодав» выставлялся так, чтобы спускаться можно было, минуя окна и не попадаясь ко-

⁹ Полиспаст Мунтера – простейшая блочная система, аналог блочной системы, применяемой в подъемных кранах, в блочных системах луков и арбалетов. За счет некоторых своих простейших особенностей позволяет достичь семикратно-го выигрыша в силе. Обычно содержит от двух до четырех блоков.

му-либо на глаза.

Время шло, и с каждой минутой, казалось, крепчал мороз и усиливался ветер. Но Виктор Юрьевич стремился в первую очередь не дать замерзнуть пальцам, которым еще предстояло работать. Наконец коммуникатор «Стрелец» донес в наушник голос Величко, который в этом театре полукомического абсурда исполнял роль больного со сложным переломом руки. Для этого в историю болезни даже вложили рентгеновский снимок из военного госпиталя.

– Я – Шестой. Второй, как слышишь?

– Я – Второй. Нормально слышу. Замерз только, как цуцик¹⁰.

– Мы отработали, «товарищ цуцик». В случае чего блокируем охрану. Можешь приступать.

– Понял. Седьмой! Как обстановка?

– Нормально, Второй. У меня тихо. Никого не лицезрю. Работай, – сообщил снизу Редька, подстраховывавший его. – Только не вздыхай так громко. У меня мембрана в наушнике вибрирует.

– Я не вздыхаю. Это я на руки себе дую. Грею пальцы. Все! Работаю.

«Полиспаств Мунтера» без проблем занял свое место за краем крыши. Чтобы веревка от резкого рывка не сорва-

¹⁰ На Украине цуциками зовут щенков мелких собак, которые, когда мерзнут, сильно дрожат. Отсюда выражения: «Дрожит, как цуцик» или «Замерз, как цуцик». Есть у слова «цуцик» и другое значение, так называется рыба семейства бычков, но едва ли рыба может мерзнуть вне морозильной камеры.

лась с желобка блока, Иващенко сначала спустился на пару метров вниз. Жумары¹¹ на такой короткой дистанции спуска Иващенко решил не использовать, но руки держались за веревку цепко. Добравшись до места, где на веревке полиспаста были жестко закреплены жумары, Иващенко перехватился за них. Потом зацепил страховочный конец на поясе и, не теряя время на то, чтобы перевести дыхание, стал стравливать веревку полиспаста, обеспечивая себе плавный и неутомительный спуск к окну седьмого этажа. Наконец он оказался под нужным ему металлическим внешним сливом-подоконником, о чем сообщил снизу и Редька:

– Второй, я – Седьмой. С прибытием! Ты на месте. Дейлай...

– Спасибо, что подсказал, а то я бы за угол выбрался.

Устроившись поудобнее на своих средствах крепления, уперев в стену ступни и колени, чтобы осуществлять по возможности жесткую фиксацию всего тела, Иващенко достал из нагрудной сумки алмазный циркуль с резиновой присоской. Но, прежде чем начать работать, он взялся за жестяной слив-подоконник и, прижавшись лицом к стеклу, заглянул в палату. На тумбочке горела слабая лампа «ночника». Сам Аркадий Яковлевич Филлимон спал, лежа на спине и натянув одеяло на шею, отчего босые ступни его длинных ног

¹¹ Жумары – специальные приспособления, ручные зажимы, которые цепляются за веревку или трос. Существенно, в десятки раз, снижают нагрузку на кисти рук.

высовывались из-под одеяла.

Теперь в работу пошел алмазный циркуль с резиновой присоской, похожей на вантуз¹². Окна во всей больнице, и даже в коммерческой палате, были одинаковые, и Величко без проблем загодя измерил расстояние от подоконника до ручки закрытия в окне своей палаты, передав, естественно, данные коллегам. Таким образом, не видя ручки, Иващенко знал, где она находится, прижал резиновую присоску к стеклу и легко, с небольшим нажимом, прочертил циркулем два круга. Звук режущегося стекла был неприятным, но в комнату он, видимо, не доходил. Двух очерченных кругов хватило. Виктор Юрьевич чуть-чуть потянул на себя присоску и вытащил из стекла вырезанный круг. Внизу был солидный сугроб, покрытый подталым снежным настом, и идеально круглый кусок стекла улетел вниз, пробив его. Теперь предстояло выполнить самую тонкую работу – вырезать круг во внутреннем стекле. Второй круг должен быть диаметром немного меньше первого, чтобы без проблем выйти в то же самое отверстие, но все-таки достаточно большим, чтобы в него пролезла рука «волкодава». В этот раз двух кругов циркуля показалось Иващенко недостаточно, и он выполнил третий. Причем делал его почти вслепую, потому что наблюдал за больничной палатой. Но и эта работа была сделана. После чего он просунул руку в отверстие, легко достал ручку и пальцами, почти без напряжения, повернул ее и надавил на

¹² Вантуз – ручной сантехнический инструмент для продува труб воздухом.

раму. Рама не поддавалась, хотя понизу чуть-чуть прогнулась. Окно же осталось закрытым. Значит, необходимо было продолжать начатое дело, несмотря на то, что руки уже сильно замерзли.

Подъем с помощью полиспаста был не намного сложнее спуска и не отнял много сил. Виктор Юрьевич завис над подоконником, стараясь не задевать его своими тяжелыми башмаками, потому что тонкая жесть могла зазвенеть, а любой звук в такой ситуации будет лишним.

Иващенко, несмотря на замерзшие пальцы, усилием воли заставил себя работать быстро и точно. Он умел концентрироваться и не замечать неудобств и при этом не забывал поглядывать сквозь стекло. И хорошо еще, что на тумбочке горел «ночник». При свете «ночника», даже если Филлимон проснется и повернется на другой бок, он не сразу обратит внимание на окно.

Первый кругляшок стекла полетел вниз очень быстро. Со вторым пришлось повозиться, вытаскивая его с предельной осторожностью, по миллиметру выверяя каждое движение. Рука быстро скользнула в отверстие, повернула ручку, колено толкнуло раму, и окно открылось. Ветер сразу ворвался в палату, и Филлимон начал поворачиваться на другой бок. Иващенко поставил ногу на внутренний подоконник и стравил веревку. Спрыгнув на пол, он отстегнул от пояса страховочный карабин и карабин полиспаста. И как раз в этот момент Филлимон открыл глаза.

Следовало действовать без задержки. Следовало действовать так, чтобы клиент не успел крикнуть и позвать охрану. Конечно, по ту сторону двери Величко и Редкозуб подстрахуют, но в любом случае поговорить тогда с Филлимоном не удастся. А это значило бы, что такая большая работа была проделана совершенно напрасно.

Любой нормальный человек попытался бы в такой ситуации или закричать, или хотя бы сесть на кровати. Но Филлимон не закричал, только потянул на голову одеяло, открывая свои босые ноги. Обнаженная рука поддерживала его; и Иващенко, не испытывая ни капли жалости, вытащил из нагрудной сумки небольшой пузырек, открыл его и плеснул на руку Филлимону несколько капель желто-оранжевой жидкости. Тот вскрикнул, отдернул руку и резко замахал ею. Над кроватью сразу появился резкий запах.

– Тс-с-с-с... – предупреждаяще приложил Виктор Юрьевич палец к губам. – Больно?

Голова испуганно заморгала и закивала. Клиент оказался чрезвычайно понятливым и на удивление пугливым. Только глаза были устремлены на руку Иващенко, все еще держащую перед собой пузырек, словно угрожая им, как смертельным оружием.

– Не суетись. Я пока только объясняю. Решить, как себя вести, успеешь. Это «царская водка»¹³. Растворяет даже

¹³ «Царская водка» – смесь концентрированных азотной и соляной кислот в соотношении 1:3.

золото и серебро. Ожоги у тебя на руке не смертельны, но некоторое время будут болеть. К этому приготовься, как к неизбежному. У меня с собой несколько пузырьков. Так что сразу решай, будем беседовать?

Аркадий Яковлевич активно закивал.

– Тогда договоримся. Я буду тихо спрашивать, а ты будешь так же тихо отвечать. Попробуешь говорить громко – на язык тебе остатки из первого пузырька вылью. На охрану не надейся, не поможет, она заблокирована.

– Я понял...

– Первый вопрос. Он многое решит и сразу покажет твою серьезность. Проверка на вшивость, по-доброму говоря. Или – разведка боем, как говорят в армии. Прошу отвечать честно, как штатному полиграфу¹⁴. Слушаешь внимательно?

– Да, – снова тихо прошептал Аркадий Яковлевич.

– Зачем ты стрелял в собаку?

Вопрос клиента совсем не удивил.

– Ненавижу собак... Меня еще в детстве две собаки укусили. С тех пор и ненавижу. Потом еще раз собака укусила. Не так давно. Овчарка. С хозяином гуляла и бросилась на меня. Я тогда решил уничтожить их. Всех... Специально для этого получил лицензию на оружие и пистолет купил. Захотел стать догхантером.

– Врешь, как дышишь... – со вздохом констатировал Ива-

¹⁴ Полиграф – «детектор лжи», прибор, позволяющий сравнительным анализом электромагнитных колебаний определить правдивость ответов человека.

щенко. – Догхантеры друг с другом общаются, делятся информацией, а ты даже адвоката от них принять не пожелал. А я же просил тебя говорить честно... Нехорошо... Придется тебя слегка воспитать. Может, тогда и Докхантера вспомнишь. Доктора Хантера.

Рука с пузырьком медленно и демонстративно поднялась выше. Взгляд Филлимона это зафиксировал и сразу же заметался по комнате, словно тщетно искал помощи от безмолвных статичных стен.

– Вы и его знаете... Я скажу, я все скажу, как на исповеди.

– Ты еще, никак, и на исповедь ходишь? – удивился Иващенко.

– А как же, конечно. Исповедуюсь и причащаюсь регулярно...

Глава четвертая

Посол жил в отдельном домике во дворе посольства. Звонка на двери не было, пришлось постучать. Докхантер знал, что посол прибыл в Киев не так давно, семью с собой не привез, поэтому занимал этот, в общем-то, не маленький домик один. На стук долго никто не выходил, хотя изнутри слышались звуки. Человеческие голоса прерывались музыкой, должно быть, работал телевизор. Хантер постучал еще раз. Наконец послышались шаркающие шаги, и дверь распахнулась настежь. На охраняемой территории некого было опасаться, и посол не спросил, кто к нему пожаловал. Но, увидев полковника, выразил взглядом удивление.

– Я вам не помешал отдыхать, господин посол? – спросил Хантер.

– Я слегка задремал перед телевизором. Дел сегодня было много, устал. Заходите, полковник. Пить что-нибудь будете?

– Нет, спасибо. Я по делу.

– Разве кофе помешает делу?

– Надеюсь завершить его в пару минут. Мне тоже с дороги следует отдохнуть.

Телефонная трубка в чехле Хантера «подала голос». Полковник кивком извинился, вытащил трубку, посмотрел на определитель номера, голосовое оповещение о звонке после начала операции полковник выключил. Звонил Грэг Доусон,

который отправился проверять другие комнаты группы Докхантера на наличие контролирующей электроники.

– Да, слушаю тебя, Грэг...

– Док, я проверил и подвал, и комнаты, где эти парни сидят за компьютерами. В подвале была камера и один «жучок», наверху под каждым компьютерным столом по «жучку» и две камеры наблюдения. Плотно нас обложили. Кампильо, в свою очередь, обещал проверить все компьютеры на наличие подключения и ай-пи-адреса. Я все, что нашел, деактивировал и снял. Куда их девать? Они немалых денег стоят. В общей сложности, как я прикинул, две с половиной тысячи баксов.

– Оставь себе. Может, для дела еще сгодятся. Сможешь перенастроить?

– Попробую. Камеры, однозначно, смогу. К «жучкам» приемник надо будет подкупить, тогда перенастрою.

– Хорошо, только не растеряй их.

Хантер отключился от разговора и убрал трубку в чехол. Посол тем временем направился в обширный холл, молча приглашая полковника следовать за собой, и сел в кресло перед овальным журнальным столиком из цветного толстого стекла. На столике в подносе стояла початая бутылка вина и два уже не чистых высоких стакана. Похоже, у посла в этот вечер был кто-то в гостях, и Хантер не разбудил задремавшего хозяина дома, а прервал его приватную беседу. Но какой смысл собеседнику прятаться от полковника, было непо-

нятно. А непонятное всегда кажется подозрительным. Хотя, конечно, в гостях у посла могла быть женщина – какая-нибудь сотрудница посольства, это тоже не стоило сбрасывать со счетов. Тем не менее и оставлять без внимания сам факт обмана было нельзя.

Полковник с мрачным лицом сел на диван по другую сторону от журнального столика. Посол все понял правильно и сразу среагировал:

– У вас, Док, что-то пошло не так? Нужна моя помощь?

Как опытный психолог и не менее опытный офицер ЦРУ, Хантер хорошо умел давить на людей и потому произнес голосом не более добрым, чем был его взгляд:

– Не могу точно сказать, нужна мне помощь или достаточно будет объяснений. И в зависимости от них будем уже вместе думать, кому из нас нужна помощь.

– Я не понял вас... – Голос посла резко изменился и приобрел холодность льда. – Ваши слова звучат как угроза. Вы не забываетесь? Или не чувствуете разницу между собой и мной?

Частично посол был прав, но только частично, и сам обязан был понимать это. Как раз поэтому Докхантер продолжал говорить в том же тоне, даже наращивая давление голосом:

– Я веду себя адекватно ситуации. Что касается угроз, то я обычно не имею склонности произносить их, просто прошу людей делать то, что от них требуется, и не больше. А угрозы... Зачем, если я просто уничтожаю индивидов, кото-

рые мне начинают мешать, и все. Они остаются в живых, но по какому-то странному стечению обстоятельств попадают в психиатрическую лечебницу. На всю оставшуюся жизнь. Я владею определенными психическими и психологическими технологиями, позволяющими мне этого добиваться и не получать в ответ обвинений. Это, грубо говоря, моя спецификация.

– Что-то подобное я слышал. – Посол опять заговорил спокойно и слегка даже свысока. – Но другие люди, кстати, тоже специалисты в вашей области знаний, говорят, что это бред, и таких технологий не существует. А то, что вы делаете, воздействует лишь на поклонников вудаизма и людей особо мнительных, но никак не может действовать на нормальных здравомыслящих людей с крепкой психикой, к каковым я себя и отношу. Вы уж извините меня за откровенность, Док, но я в соответствии с должностью, на которую поставлен своим правительством, обязан наводить справки о людях, с которыми мне по необходимости предстоит работать. И потому постарался кое-что узнать и о вас.

Докхантер почувствовал, что пропустил сильный удар. При этом он прекрасно понимал разницу в социальном и официальном статусе и положении между полковником Центрального разведывательного управления США и послом США в такой достаточно важной для Америки стране, как Украина. Конечно, страна сама по себе не ахти какая и важная, многие американцы вообще не знают, где она находится.

ся, но даже самые незначительные и ничтожные по своей сути страны становятся в какое-то время важными, если начинают считаться инструментом американской политики.

– Вы не знаете, где находят потом людей, которые суются в дела ЦРУ? Ничего подобного не доводилось слышать? То, что должность в этом случае не бывает прикрытием, вы должны тоже понимать, – многозначительно проговорил полковник.

– Я не понимаю сути ваших претензий, – сухо ответил посол, налил из бутылки вина в свой стакан и неторопливо, маленькими глотками выпил. Вино его, видимо, успокаивало. – И потому не принимаю эти претензии в свой адрес. Никоим образом.

– Не принимаете? Тогда объясните мне простую вещь. Что это? – Хантер положил на стеклянный столик два «жучка» и миниатюрную видеокамеру.

Посол бросил на них мимолетный взгляд и хмыкнул:

– Это вы меня спрашиваете? Считаете, что я обязан знать?

– Я могу подсказать.

– Будьте уж так любезны, уважаемый Док.

– Это подслушивающие устройства и видеокамера, что были установлены в отведенной мне комнате. Но я не понимаю, чем моя личность может так заинтересовать посольство. Гораздо более серьезный вопрос встает, когда такие же устройства обнаруживаются в технических кабинетах моей группы, где предполагается вести не только настоящую бое-

вую работу, но и обсуждать результаты этой работы, составлять и корректировать планы. Вы отдаете себе отчет, чем может грозить такое любопытство?

К удивлению полковника, посол ничего не ответил, только бросал косые взгляды на экран телевизора, где шли местные новости, причем на украинском языке, которого Хантер не знал и изучать не собирался.

– Так что вы на это скажете? – первым не выдержал полковник.

– Ничего не скажу. Мне просто нечего сказать, поскольку я такого распоряжения не давал. Но я поинтересуюсь у начальника службы внутренней безопасности и поставлю вас в известность. Ваши комнаты, кстати, готовились для вашей группы специально присланной бригадой специалистов ЦРУ. Насколько я знаю, там вставлялись какие-то экраны и устанавливались специальные стекла, исключая возможность прослушивания даже лазерным звукоснимателем. Потом комнаты стояли опечатанными. Вплоть до вашего приезда.

– Вы хотите сказать, что прослушивающая аппаратура выставлена специалистами ЦРУ?

– Этого я тоже не могу утверждать. После отъезда бригады прошла неделя. Но комнаты, как я сказал, стояли опечатанными, и никто в них не заходил, кроме вашей персональной комнаты, где горничная регулярно делала уборку. Но во всех рабочих кабинетах, даже в тех, которые открыты

для доступа посторонних, уборка делается под присмотром охраны или тех, кто комнатами пользуется. И я вообще сомневаюсь, что малограмотная горничная из местных туземцев в состоянии установить такую аппаратуру. Здесь нужен специалист. Но пусть этим вопросом занимается начальник службы внутренней безопасности. Он бывший агент ФБР с большим опытом. Вы вообще знакомы с ним?

– Еще не имел удовольствия познакомиться.

– Я завтра утром пришлю его к вам, если вы никуда с утра не уедете.

– Я не могу гарантировать, что буду завтра на месте. У меня есть определенные планы. Разве что с самого раннего утра. Пусть приходит пораньше.

– Рабочий день у нас начинается в восемь.

– Моих сотрудников этот график, надеюсь, не касается?

– Они же не получают жалованье у нас, значит, не касается. Да и остальных это касается далеко не всегда. Наше рабочее время ненормированно. Служба такая... Если хотите, я могу сам с начальником службы безопасности поговорить. Как-никак, я его начальник.

– Да, господин посол, так было бы лучше. Поговорите сами.

– А потом сообщу вам результат беседы.

– Договорились.

Полковник встал, кивком головы показывая удовлетворение разговором. Посол же вообще никаких эмоций не выка-

зывал, но тоже поднялся, чтобы проводить позднего гостя.

Однако Докхантер понял, что отношения с послом у него попросту не сложились, несмотря на то что они вроде бы и договорились о сотрудничестве. И если возникнут осложнения, требующие срочного вмешательства, посол может и не поторопиться...

Полковник холодно попрощался с послом, угрюмо проявив вежливость, пожелал тому доброй ночи, но не стал сразу возвращаться в свою комнату, а прошел в те две комнатки, что были отведены бригаде хакеров. Пол Санта-Крус Кампильо сидел за своим рабочим столом перед большим полукруглым монитором, на котором вместо привычного взгляду изображения с иконками программ были сплошные ползущие строчки на черном фоне. Полковник Хантер не умел работать в оперативных системах, поэтому не понял, чем хакер занимается. Он выдвинул из-под стола шаткий стул и сел на него верхом.

– Рад, что ты сразу включился в работу. Что-то произошло?

– Меня включил в нее с разбегу Грэг Доусон. Признаюсь, Док, по природе своей я не люблю людей, которые смотрят в замочную скважину, особенно когда смотрят на меня. Контроля то есть не переносу. Когда Грэг нашел свои штучки, я обозлился и начал сам искать. В соответствии со своим профилем. Кое-что нашел. Есть некоторые неприятные момен-

ты... Они пытались контролировать все наши компьютеры, что нам предоставили здесь для работы. Было установлено прямое соединение через сеть Wi-Fi. И где-то в этом здании стоят один или несколько компьютеров, которые работают в той же сети, что и наши. То есть всегда имеют возможность прочитать наши данные и определить, что мы делаем и какими методами.

– Непременно в этом здании? – пожелал уточнить полковник. У него все же держалась где-то в глубине мысль, что, возможно, это вовсе не посол такой любопытный и подозрительный и не ЦРУ пытается контролировать своего опытного сотрудника, которого уже много лет не контролировала, а просто он встретился с происками опытных врагов. Например, кто-то в посольстве работает на ФСБ России или на ГРУ или на российскую Службу внешней разведки. Для любого посольства это обычное явление. Если перетрясти всех сотрудников, наверняка найдется пара человек с неизвестным грехом за душой. И противник всегда пытается таких людей в посольство пристроить.

– Необязательно, Док, в соседнем кабинете или на соседнем этаже. Точно сказать я не могу, но, судя по силе сигнала, в пределах пятисот метров все покрывается одной сетью. Стоит мощный «комик»... то бишь коммуникатор. Я выяснил пароль, вошел в Сеть со своего ноутбука и прогулялся с ним по двору. До въездных ворот берет без помех, сила сигнала достаточная. Вероятно, берет и дальше. Отключать-

ся от общей Сети на стационарных компьютерах я пока не стал, только свой ноутбук отключил. Дело в том, что при таком соединении не только они могут наши компьютеры контролировать, но и мы их – тоже. Вообще, я считаю, что нас за юзеров¹⁵ приняли. Не сообразили по глупости, что любой человек, который с головой дружит, сумеет увидеть наличие единой сети. Конечно, можно пару процентов дать на то, что сделано это непреднамеренно. Или... – Пол замолчал и задумался.

– Или что? – не выдержал Хантер.

– Или они специально сделали эту сеть, чтобы мы ее заметили и отключили.

– А зачем им это нужно? Хотя... Я, кажется, понимаю. – Все-таки полковник Хантер был опытным разведчиком и легко просчитывал возможные ходы противника. – Проверить сможешь?

– Без проблем. Если вы имеете в виду какой-то дополнительный вариант подключения для контроля, вплоть до обычного и самого простого кабельного соединения, которым никто уже не пользуется много лет.

– Да. Это я и имел в виду.

– Я проверю... Все компьютеры просмотрю.

– А они это заметят? Впрочем, это не так и важно после того, как мы сняли «жучки» и видеокамеры. Уже показали, что работать на площади, или, как здесь говорят, на майдане,

¹⁵ Юзер – пользователь.

мы, в силу специфики своей службы, не любим.

– Заметить они могут только тогда, когда я отключу их или удалю программы-«трояны». «Трояны» – это производное от «троянского коня». Программы-шпионы. Но это все палка о двух концах. Я потому и не стал пока отключаться от Wi-Fi, чтобы была возможность гнать им, когда понадобится, «дезу». Вы же сами, Док, видели, что мы все прилетели с собственными ноутбуками. Мы сможем пока работать через них. У каждого есть свой USB-модем. Это, конечно, медленнее, чем напрямую через Сеть, но не настолько медленнее, чтобы это стало критичным. Да и вообще, работать через местных провайдеров рискованно. Я бы предпочел полностью работать через USB-модемы. Так будет надежнее.

– Как скажешь. Твое мнение во всех компьютерных делах – закон. А насчет «дезы» ты дал хорошую мысль. Мы имеем возможность посылать куда-то в никуда сообщение через их компьютеры так, чтобы они имели возможность прочитать?

– Проще простого. Я просто открою на своем почтовом ящике еще один номер и пошлю текст, который вы мне подготовите, себе с большого компьютера, контролируемого ими. В этих условиях отследить местонахождение моего IP-адреса будет невозможно. Стационар они, возможно, еще смогут определить, да и то если имеют подключение к спутнику, а ноутбук бесполезно и пробовать. В принципе, я могу дать какой-то адрес с почты в Лэнгли. Стационарный. Отправлю и сразу заблокирую его. Откровенно взломаю, удалю

почту, даже могу весь компьютер повредить. Только в этом случае есть одно существенное обстоятельство.

– Какое?

– Мы не должны повторять их ошибок. Если они считают нас дураками, то мы вовсе не обязательно должны считать дураками их.

– Ты о чем? – не сразу понял Хантер.

– Серьезная информация, даже если она «деза», не будет посылаться открытым текстом. Следует продумать систему кодировки, которую без труда разгадает опытный дешифровальщик. Или даже шифровальщик, поскольку специалиста-дешифровальщика здесь на месте может и не оказаться. Дешифровальщик, насколько мне известно, пользуется не просто одним компьютером, но запускает в дело целый дешифровальный центр. Большая неуклюжая система со старинными ЭВМ. Я слышал, что они пытались пользоваться государственными суперкомпьютерами, но даже суперкомпьютер может дать результат только в том случае, если в зашифрованном тексте существует периодичность. Если же нет ее, то он тоже не помощник. А периодичность появляется только после определенного количества зашифрованных групп знаков. Там, кажется, в каждой группе по пять знаков или по четыре цифры. Значит, следует использовать что-то попроще.

– В этом ты прав. У меня, к сожалению, нет такого опыта. Я обычно работал через профессионального шифровальщи-

ка. Спрошу майора Лукаша. Он у нас исполняет обязанности шифровальщика группы, ему и карты в руки. Хотя он тоже не великий профессионал. Ладно, я пока продумаю текст, потом решим, как с ним поступить. – Полковник поднялся и вдруг добавил: – Хорошо бы еще проконтролировать компьютер местного шифровальщика. Шифровальщиком в посольствах обычно служат помощники военного атташе.

– Мне нужен его IP-адрес.

– Как его раздобыть?

– Нужно хотя бы электронное письмо от него получить.

Можно это сделать?

– Нет проблем. Я попрошу посла отправить зашифрованное письмо в твой адрес. Напиши мне на бумажке, куда отправлять...

Глава пятая

Аркадий Яковлевич Филлимон дрожал от испуга, словно его только что из проруби за шиворот вытащили. Решительный вид Иващенко сильно его пугал. Какие слова говорил себе в этот момент Аркадий Яковлевич, можно было только догадываться.

– Ну что, говоришь, будешь рассказывать... Тогда не трати время, валяй, рассказывай. Итак, слушаю тебя, урод.

– С чего начинать? – покорно и с дрожью в голосе спросил Филлимон.

– С самого начала. Как тебя собака укусила. Когда и как это произошло? Только давай так договоримся, чтобы не получилось: я выпрыгнул из окна седьмого этажа, а потом передумал... Сразу – до конца и честно. Говори. Как дело было?

– Обычно. Я тогда домой возвращался. Машину на стоянку поставил, пешком через дворы шел. Мужчина я крупный, ко мне обычно хулиганы не пристают. А тут парни какие-то из соседнего дома. С двумя собаками гуляли. Одна овчарка. Вторая... Такая... Аристократка с длинным носом. Охотничья, кажется, хотя я в собаках мало понимаю. Так вот, я вдруг услышал, как хозяин овчарки прошептал: «Ф-а-с-с-с...» Специально на меня натравливал. У меня же слух абсолютный. Я любой шепот слышу.

– Знал, наверное, на кого травит, – оценил Виктор Юрьевич. – Я лично не могу против этого возразить... Хотя твоих действий не понимаю. Стрелять нужно было в хозяина, а не в собаку. Ладно, продолжай.

– Наверное, знал, – внезапно согласился Аркадий Яковлевич. – Мне и Алексей так сказал... Он на себе это испытал.

– Кто такой Алексей и что он на себе испытал? – спросил Иващенко, предчувствуя, что сейчас может получить важный ответ.

– Мой друг. Мой близкий друг. Он сказал, что казаки платят всяким собачникам, чтобы они наших людей собаками травили... Об этом в ЛБГТ давно уже поговаривают. Очень многих людей собаки покусали. Он, между прочим, сам тоже стал жертвой нападения.

– И он тоже? Очень приятно это слышать. Хорошо. Если это инициатива казаков, я вполне такую инициативу одобряю, хотя мало этому верю. Дальше рассказывай.

– Его укусила как раз та собака, в которую я стрелял. Только тогда, в день укуса, с собаками гуляла женщина, а не мужчина.

– И женщина натравила на него собаку?

– Да, женщины нас не любят еще больше, чем мужчины. Как и мы их. Взаимная неприязнь. Алексей слышал, как она команду отдавала. У него тоже слух абсолютный. Он – великий музыкант, лучший скрипач страны. А если бы собака укусила его за пальцы? Он не смог бы к струнам прикоснуть-

ся. Страна потеряла бы такого музыканта!

– Найдутся, надеюсь, люди, которые ему пальцы обломают. Вместе с руками. Мне пока некогда, к сожалению. С тобой еще вопрос решить надо. Значит, конкретно эта собака?

– Да. Он мне ее даже показал. Там две собаки серого цвета, а одна рыжая. Вот рыжая его и укусила.

– А ты что же? Почему стрелял не он, а ты? По логике ты должен был в овчарку стрелять.

– Он не решился, а я решился. – В голосе Аркадия Яковлевича послышались даже нотки гордости. – И выстрелил. Правда, долго пришлось ждать оформления лицензии на травматическое оружие. Потом пистолет по своей руке искал. Потом два дня в лесу, как в тире, тренировался, по стволам стрелял. А потом поехал и...

– Мне вопрос повторить? Почему ты стрелял не в овчарку, которая тебя укусила, а в ирландского волкодава?

– Мне за друга обидно стало. И он попросил, чтобы не повторилось. Иначе, сказал, домой идти боится. Он неподалеку живет, часто этих собак видит.

– Ладно. Это твоя версия, как я понимаю, для следствия. Следствие этим может и удовлетворится, если им лень будет копать глубже или если следователь собак не понимает. Ирландский волкодав – собака охотничья, она давно уже отучена нападать на людей. Нападает только тогда, когда защищает хозяина или себя. Значит, утверждения твоего лживого Алексея могут удовлетворить только такого дурака, как ты,

или очень ленивого следователя. Меня же интересует причастность к твоему выстрелу Докхантера.

– Там так получилось. Я сначала от возмущения вызвался отомстить за Алексея, а потом, когда подумал, тоже засомневался. Все-таки выстрел в городе, пусть даже и из травматического пистолета... Тогда Алексей меня уговаривать стал. И пообещал от имени своего хорошего знакомого организовать для моей концертной бригады, которую я сам подготовлю и соберу, гастрольный тур по Америке. Причем не только по США, но и по Канаде, и по Мексике. Алексей сам недавно из Америки вернулся и там познакомился с этим импресарио. Он с ним по телефону общался. Тот тоже за Алексея переживал, боялся, что подобное может повториться и что за пальцы могут укусить. Алексей про меня рассказал, так и возник разговор с обещанием.

– Что за импресарио? – переспросил Виктор Юрьевич.

– Метью Хантер, доктор искусствоведения. Докхантер, вы сказали, кстати, Алексей так же его зовет. Или просто Док.

– Ну, милый мой, влип ты вместе со своим Алексеем в неприятную историю, – на глубоком выдохе сообщил Иващенко.

– Что-то не так? – забеспокоился Филлимон.

Сам же Иващенко чуть было не сказал, что Докхантер не импресарио, а полковник ЦРУ, и не доктор искусствоведения, а доктор психологии, практикующий жуткую магию вуду. Но что представлял собой Алексей и что его связывало

с полковником Хантером, было неизвестно, поэтому Виктор Юрьевич вовремя удержался.

– Время подойдет узнаешь. Но неприятности у тебя будут большие. Обещаю. Хотя я и подозреваю, что ты стал просто игрушкой в руках своего Алексея, который ловко тебя использовал. Подставлял по большому счету под серьезные действия. Ты видел на нем укус? Действительно, его собака кусала? Он тебе показывал?

– Нет, – растерянно ответил Аркадий Яковлевич, – не показывал.

– Подозреваю, что укуса никакого не было, в принципе. Но это не самое главное. Втравив тебя в эту историю, твой напарник рассчитывал, подозреваю, что тебя просто застрелит владелец собаки. Как специалист, могу сказать точно, что попасть в тебя было легче, чем в колесо движущейся машины. Но он попал в колесо. А мог бы и в тебя, как рассчитывал, думаю, Алексей. Где-то ты перешел ему дорогу, и серьезно. Таким образом, исходя из происшествия, считаю, что твоя жизнь по-прежнему под угрозой. И даже под большей угрозой, потому что ты не знаешь, откуда ждать удара.

– Но Алексей сам нанял мне охрану. Я ему доверился больше, чем любой другой охране, которую мог бы нанять и сам.

– Если он нанял, он же всегда имеет возможность и снять охрану по своему усмотрению. В нужный ему момент. Для того, я думаю, он и подсуетился.

– Я подозревал... Я чувствовал, что здесь что-то не так, – скрипнул зубами Филлимон. – Слишком уж он был настойчив. Он вообще сильно изменился после поездки в Америку. И что теперь? Мне и спать нельзя? Следует ждать очередного гостя с «царской водкой»? Не подскажите, он прибудет тоже через окно?

– Скорее всего, въедет к тебе в палату на танке, с отделением киллеров на броне. Мне безразлична твоя судьба, могу тебе это гарантировать.

– И как мне себя теперь вести?

– Как вел, так и веди. Это не мои проблемы, – отрезал Иващенко. – Может быть, сумею помочь, если наши интересы будут синхронны. Для этого мне нужны все данные на Алексея.

– Что значит, все данные? Все данные на него, наверное, только в ФСБ есть. Да и то наверняка не все.

– Адрес, номер телефона, адрес электронной почты. Это для начала.

Филлимон продиктовал в том порядке, в котором Иващенко и запросил, и Виктор Юрьевич, поправив в ухе наушник, включил микрофон:

– Егор Петрович, слышишь меня?

– Слышу, Виктор Юрьевич.

– Ты где?

– В машине сажу. Редьку боюсь. А он тебя.

– Запоминай данные. Можешь приступать сразу. По сво-

ему профилю. – И Иващенко продиктовал то, что только что сообщил ему клиент.

Неожиданно на связь вышел командир группы «волкодавов».

– Внимание всем! – сказал Лесничий сурово. – Странная ситуация... Выход за стандарт... Мне не нравится.

– Что там? – шепотом спросил Редкозуб из своей палаты. – Наши омоновцы зашевелились? Так они под присмотром Величко. Он их никуда не отпустит.

– Ты что, думаешь, что я на машине к вам на этаж заехал?

– Ну, может, попросили подняться.

– Я в ментовской форме, из машины вообще не выхожу.

Командир был среди тех «волкодавов», которые изображали из себя компанию пьяных полицейских и незадолго до этого связали местную службу охраны. Наряд полиции, что прибыл в приемный покой по вызову, охранников уже отпустил, но Лесничий оставался на посту и страховал товарищей, непосредственно занятых в главных действиях.

– Тут три странных типа идут торопливо к приемному покою. Все трое в бронежилетах. Перед входом, вижу, надели медицинские маски-повязки. Не думаю, что гриппа испугались, пугливыми ребята не выглядят. Нагло идут. Как на пьянку! Вошли... Внимание! Звон стекла. Пуля из окна приемного покоя вылетела через окно. Угодила в стену соседнего здания почти надо мной. Что-то там произошло. Всем проявлять предельную осторожность. Не хватало нам здесь

поймать потери. Боюсь, они движутся по одному с нашим адресу. Виктор Юрьевич, тебя это в первую очередь касается. Суматоха, ты свободен?

– Я с ноутбука выполняю просьбу Виктора Юрьевича. Уже нашел данные. И до его трубки добрался. Я нашел способ разговоры прослушивать. Надеюсь, ГРУ простит меня, но я сумел подключиться к их спутнику.

– Понял. Кравченко, за мной! Глянем, что в приемном покое. Просто так даже там не часто стреляют. Если что, дальше двинем...

Два старших лейтенанта полиции сначала прислушались, что происходит за дверью рядом с торцом здания, потом, выставив вперед пистолеты, распахнули ее. За дверью лежал большой толстый человек в форме охранника. «Волкодавы» узнали его в лицо, потому что сами недавно надевали ему на руки наручники, хотя узнать охранника было сложно. Пуля, войдя через затылок, снесла ему верхнюю часть лица. Но заметный старый шрам на нижней губе и подбородке послужил опознавательным знаком. «Волкодавы» даже наклоняться над убитым не стали, чтобы прощупать пульс. С остатками головы, как правило, живут не дольше нескольких долей секунды. Дверь в приемное отделение раскрылась от толчка. Врач лежал на кушетке. Он, похоже, спал, не снимая очков. И получил пулю во сне, не успев сообразить, с какой стати в него кто-то стреляет. Медсестра лежала на полу

под окном. Она, похоже, хотела со страха сквозь стекло пролететь, но вместо нее это сделала пуля. А вторая ее остановила, пробив тело со спины в области сердца. Но стреляли, видимо, не специалисты или люди, просто наслышанные о «контрольном выстреле». «Контрольный выстрел» требуется непрофессионалу, чтобы завершить неудачно проведенное дело. Медсестру, вероятно, уже мертвую, дострелили выстрелом в затылок.

Это уже становилось серьезным поворотом событий. Тройное убийство непричастных к делу людей уже само по себе говорило, что убийцы и дальше не планируют ни перед чем и ни перед кем останавливаться. Идут по трупам. Более того, в опасную ситуацию мог попасть заместитель командира боевой группы «волкодавов» и два его товарища, которые просто не смогут не вмешаться. Это само по себе уже требовало принятия кардинальных мер. Хотя с какой стати может возникнуть опасность для Иващенко, было непонятно. Просматривался единственный вариант: кто-то со стороны, может быть, из окна какого-то дома, видел, как Виктор Юрьевич проникал в коммерческую палату через окно. И это был не простой нечаянный наблюдатель. Нечаянный вызвал бы полицию, а это кто-то, замешанный в деле, – специально выставленный наблюдатель. Причем в деле достаточно крутом. Методы применялись откровенно бандитские. И против таких методов требовалось работать откровенно жестко. Сергей Ильич дал предупреждение в микрофон:

– Всем внимание! Они прорвались. Внизу оставили три трупа. Стреляют, видимо, без предупреждения. Выясняем, куда двинулись.

Кравченко уже прошел вперед, туда, где виднелись двери трех лифтов, и призывно поднял руку, сделав движение ладонью в сторону своей головы. Даже имея связь внутри группы, «володавы» порой по привычке выполняли визуальные команды руками, как делали это раньше, в армии. Этот знак на языке спецназа говорил: «Ко мне!» Лесничий неслышно подбежал. В ночное время кнопка горела только на одном из лифтов. И табло над входом показывало, как поднимается лифт, высвечивая цифры этажей.

– Пятый этаж... – прокомментировал в микрофон Лесничий. – Без остановки. Шестой... Дальше... Величко! Редкозуб!

– Готовы к встрече, – сообщил голос Величко. – Редкозуб в палате, я в конце коридора в туалете. Можем атаковать с двух направлений.

– У них пистолеты. Осторожно, – снова предупредил командир, помня, что его офицеры безоружные и без бронежилетов. Даже Иващенко бронежилет снял и пистолета при себе не имеет. Хотя, кажется, вооружился ножом. – Седьмой этаж. Они выходят.

– Вижу их... – сообщил Величко. – Я из темноты смотрю. Меня не видят. Редкозуб, ты только раньше времени не высывайся. Я контролирую их, сообщу тебе, когда пона-

добишься.

– Я готов к встрече, – сердито проговорил Иващенко.

Лесничий и сам не посоветовал бы бандитам злить Виктора Юрьевича, но у него не было с ними связи...

Глава шестая

Все-таки усталость сказалась и на таком «железном» человеке, как полковник Хантер. Ему смена часового пояса давалась всегда легче, чем другим, но и его силы не были беспредельными.

Первое письмо из тех, что необходимо было написать, не требовало больших умственных усилий. Оно по большому счету было и не письмом вовсе, а просто записанными в колонки цифровыми пятизначными группами, выбранными наугад. На всякий случай он исписал половину страницы стандартного формата А1. И даже не утомился от такой работы. Второе письмо было сложнее, текст требовал умственного напряжения и сосредоточенности. Им следовало поставить на место посла, поскольку контроль за группой ЦРУ сводился, видимо, все же к его личности. Если нет, то тоже ничего страшного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.